

Ленинградские литературные кружки

В ранней юности Бродский избежал нивелирующей и подавляющей воображение школы официальных «литкружков», он самостоятельно осваивал поэтическое наследие – неравномерно, но свободно. Как и всякий начинающий художник, он, однако, ощущал потребность в постоянном живом общении с другом-ментором. В компании талантливых дилетантов, с Александром Уманским в центре, одаренных поэтов не было. Во второй половине пятидесятых и в начале шестидесятых годов в Ленинграде молодые поэты тяготели либо к литературному объединению при Горном институте, о котором говорилось выше, либо к компании, более или менее связанной с литобъединением при филологическом факультете ЛГУ. Если у «горных» поэтов были сильно на них повлиявшие учителя, Глеб Семенов и Давид Дар¹³⁵, то к литературному объединению филфака были приставлены официальные надзиратели, и поэтому основные чтения стихов и сопутствовавшие им разговоры «филологов» имели место не на заседаниях объединения, а в комнатах коммунальных квартир – у Леонида Виноградова, Владимира Уфлянда или автора этих строк. Впрочем, «горняков» тоже можно было встретить на «филологических» сходках, серьезного антагонизма между этими группами не было. Разными были эстетические векторы. Семенов воспитывал своих учеников в достаточно консервативной традиции, тогда как предоставленные сами себе «филологи» считали себя восстановителями и продолжателями прерванного в тридцатые годы русского авангарда.

Этим определялось и разное отношение к поэтам двух групп со стороны старшего поколения интеллигенции: «горняков» принимали всерьез, старались по мере возможности помочь им с публикациями, тогда как «филологическое» творчество считалось немного инфантильной игрой. Впрочем, стихи «филологов» Владимира Уфлянда и Сергея Куллэ, благодаря их оригинальному юмору, тоже благосклонно воспринимались интеллигентными

134 Выступление на симпозиуме, посвященном 40-летию окончания Второй мировой войны. *Times Literary Supplement* (London), № 4285 (17 May 1985). P. 544.

135 Д. Я. Дар (1910–1980) руководил литературным кружком при доме культуры «Трудовые резервы», но направлял своих лучших учеников к Семенову. Фактически оба этих литератора были менторами молодых поэтов-«горняков». См. воспоминания В. Л. Британишского «Похищение Прозерпины Плутоном» в кн.: Под воронихинскими сводами / Сост. В. А. Царицын. СПб.: Изд-во журнала «Нева», 2003. С. 13–44.

читателями старшего поколения. В горняцкую среду, в особенности после вышеупомянутого конфликта с Г. С. Семеновым, Бродский не был вхож. В 1959–1960 годах он познакомился с Леонидом Виноградовым, Владимиром Уфляндом и Михаилом Ереминым, которые и составляли ядро того, что впоследствии было названо «филологической школой», хотя на филологическом факультете из этих троих учился только Еремин. Бродский подружился с Уфляндом и на всю жизнь сохранил любовь к его стихам с их необычным сплавом пародии и сентиментального лиризма. Его восхищала и ненавязчивая, но необычайно изобретательная поэтическая техника Уфлянда, и если он впоследствии называл Уфлянда одним из своих учителей, то это следует понимать очень конкретно: поэтика рифмы у Бродского во многом повторяет и развивает сделанное Уфляндом в конце пятидесятых годов. Но вообще-то в «филологической» компании к нему относились добродушно-иронически, серьезного отношения к своим ранним стихам он там не встретил. Была, однако, в молодой ленинградской поэзии того периода еще одна яркая и самобытная фигура – поэт, чья литературная позиция не связывала его слишком тесно ни с «филологами», ни с «горняками», Евгений Рейн.